

> СКЛЯРОВ В ТИЧЕСКИЕ
МЫСЛИСудьба
реформатораСМЕРТЬ известно-
го человека обы-
чно сопровождает
затертая фраза:
«Вместе с ним
ушла эпоха».

Подразумевается, что долго жил, многого достиг, славу испытал, о какой другие не мечтали. Все это – не про Егора Гайдара. Ну, какая может быть слава у российского реформатора, когда история не раз свидетельствовала об обратном? Царь-освободитель Александр II за проведенные преобразования поплатился жизнью. Трагически погибшего Петра Столыпина чаще называли «душителем» и «вешателем», оставляя за скобками благие мотивы и действия. Вот и к Гайдару в пору пребывания в правительстве прилипли сплошь обидные определения – такие, как «мальчик в розовых штанишках». Не сходил с языка и мальчиш-плохиш (подобным образом намекали на то, что внук предал идеалы деда – Аркадия Гайдара).

Более неудачный имидж для отца жестких и непопулярных реформ трудно было иметь. Небольшой рост, ранняя лысина, причмокивание во время речи, наконец, полнота, которая так не вязалась с призывами затянуть пояс. Ничего не было в Гайдаре от небожителя, который знает, что нужно делать. Интеллект и образованность, ценные в научном мире, совершенно не годились в политическом. О чем думал этот странный человек, когда сыпал умными и потому раздражающими фразами, и по сию пору загадка.

Многое из того бурного периода нашей истории по нынешним меркам выглядит странно. Для назначения Гайдара ответственным за рыночные преобразования вроде бы не имелось предпосылок. Многие годы он заведовал отделом экономической политики в журнале «Коммунист», который был органом ЦК КПСС. К либералам-рыночникам, по многим свидетельствам, будущий реформатор не относился. Мало того, не пропускал в печать прогрессивные статьи. Да что тут говорить, Егор Тимурович в КПСС состоял до последнего, вышел из партии в августе 1991 года – за три месяца до назначения первым вице-премьером и меньше, чем за пять до либерализации цен, которая знаменовала конец прежней экономической системы.

И ведь не скажешь, будто делалось это ради карьерных устремлений. Власть ради власти первого премьер-министра независимой России, похоже, не интересовала вовсе. Желание надолго остаться в обойме отсутствовало напрочь. Он и правительство возглавлял в качестве исполняющего обязанности, а всего, если сложить отдельные месяцы пребывания на разных должностях, поработал в кабинете министров полтора года.

Но и этого хватило, чтобы оставить по себе память большую, чем иные старожилы, восседавшие в начальственных креслах по многу лет. Сейчас уже не думается о том, не слишком ли дорого обошелся нам коренной перелом. Больше всего – о нечеловеческом грузе ответственности, когда, какое решение ни прими, – все плохим окажется.

Могу ругаться за себя, что в памяти надолго останутся два момента. То, как в первые дни 1992 года буквально на глазах стали наполняться прилавки. Да, с новыми ценниками, которые бесконечно переписывались, и за удорожанием товаров не всегда успевала бешено растущая зарплата. Но разве не казалось в какой-то момент, что в магазинах будет вечно шаром покати. И ни за что не забыть, как физически сдал в последние месяцы Гайдар. Оказалось, что он лично дорого заплатил за пережитое.

Одно утешает: реформатор ушел в мир иной не от пули и бомбы, а тихо во сне. И заставил уважительно говорить о себе некоторых вчерашних оппонентов. Отсюда – пусть пока робкая, но надежда. Не все еще потеряно.

ДМИТРИЙ СКЛЯРОВ

Доля сиротская

> Несмотря на неопределенность, лучик надежды у Мавлиды Мухаяровой продолжает гореть

ВСКОРЕ после публикации статьи «Не время фанфар» («ММ» за 3 декабря) в редакцию обратилась с письмом Мавлиды Мухаяровой, рабочей одного из муниципальных предприятий.

«Я – одна из тех детей-сирот, которая не смогла в свое время получить жилье от государства, – пишет Мавлида. – Мне уже 52 года, но за три десятилетия не получила ни от властных органов, ни от предприятий и организаций, где добросовестно работала, ни одного квадратного метра. Несколько лет я проживала у своей подруги в частном доме в поселке Димитрова. Но в июле 2006 года дом сгорел, и с тех пор я с сыном-школьником скитаюсь по съемным квартирам, вернее, комнатам. Стою в общей городской очереди на получение жилья под номером 2354. В конце октября пошла на прием к главе города. Но прежний мэр уже сложил полномочия, и прием вел О. Грищенко. Ничего хорошего он мне не сказал, а я просила предоставить хотя бы временное жилье из маневренного фонда. Но тут вмешался присутствовавший на приеме начальник УЖКХ Р. Галеев и категорически заявил, что такого жилья в городе нет. А через месяц читаю в «Магнитогорском рабочем» статью об аппаратном совещании у Евгения Тефтелева, и там, в частности, говорится, что после пожара на станции Цементная, в результате которого пострадали четыре семьи, погорельцам предложили переселиться в жилье из маневренного фонда. Как же так – то фонда нет, а через месяц уже появился?»

Мавлида родилась в глухой деревушке на севере Башкирии, у самой границы с пермской областью, ныне краем. Такой глухой, что туда электричество провели только два года назад. В семье не было отца, а когда Мавлиде было всего пять лет, скоропостижно умерла мать, и троих осиротевших сестер разобрали родственники. Мавлиду забрал дядя, мамин брат. Но милосердия хватило ненадолго, своих дома – семеро по лавкам. И однажды дядя элементарно подобрал племянницу... в Совмин Башкирской АССР, в приемную отдела по работе с детскими домами и школами-интернатами. Посадил на кожаный диван и исчез из ее жизни навсегда, оставив Мавлиду без документов, только с запиской, откуда она родом да звать как.

В сиротском приюте Мавлида пробыла лишний год – были у ее наставников проблемы с поиском, восстановлением документов, необходимых для ее передачи в школу-интернат по достижении школьного возраста. В какой-то степени Мавлиде повезло: попала она не в обычный «сиротский» интернат, а в элитарное столичное заведение для одаренных детей, собиравшихся со всех городов и весей Башкирии. Сейчас это – Башкирская республиканская гимназия-интернат № 1 имени Рами Гарипова. А сирот там было

всего семеро – взяли тех, для кого не нашлось места в рядовых интернатах, таков был «урожайным» на сирот 1965 год. А не повезло тем, что «сиротская семерка» как бы растворилась среди других воспитанников и выпала из поля зрения органов опеки и попечительства.

Училась Мавлида прекрасно. Сыграли, видимо, свою роль не только природные способности, но и окружавшие ее неординарные сверстники, лучшие педагоги и учителя. После окончания десятилетки Мавлида поехала в Питер и с первого захода поступила в один из престижных вузов Северной столицы – Ленинградский институт легкой и текстильной промышленности по специальности инженера-технолога швейного производства. И распределение было удачным, о котором мечтали многие выпускники, – в Воронежский Дом моды инженером-технологом.

Вот тут-то она впервые и задумалась о своих квадратных метрах, положенных от государства как сироте. Не без содействия начальника отдела кадров, офицера-отставника, который вместе с ней ездил даже в Уфу, используя свой отпуск, в поисках необходимых документов. Но вернулись, как говорится, не солоно хлебавши.

Жизнь сложилась так, что Мавлида долгие годы жила одиноко и где бы ни работала, довольствовалась «койко-местом» в общежитиях. И в Воронеже, и в Благовещенске. И даже на Сахалине, где она работала главным инженером на швейной фабрике

и у нее появился сынишка, ей довелось жить только в семейном общежитии. Наверное, чуть раньше «по должности» появилась бы у Мавлиды и квартира, но были уже непонятные и непредсказуемые 90-е.

В 1997 году мелькнул лучик надежды: Мавлида получила длинное обстоятельное письмо из Уфы от своей старой подруги по интернату Фариды. Она сообщила, что Госдумой принят закон по детям-сиротам, по которому им положено жилье «без срока давности», то есть эта государственная льгота не огра-

ничивается достигнени-
ем ими 23
лет. И что в
Башкирии
принят со-
ответствующий закон.

И что сироты стали уже получать свои квадратные метры. Мавлида быстро и без оглядки собрала чемоданы, выписалась и даже оставила акции швейной фабрики и с сыном выехала в Уфу. Но на месте все оказалось гораздо сложнее, если не сказать больше. Из семерых сирот, выпускников их интерната, квартиру получила только одна. У остальных жилищный вопрос погряз в чиновничьих дебрях. Исчез архив детдома, уже много позже удалось разыскать алфавитную книгу со списком воспитанников. В интернате вообще заявили, что архивы они периодически уничтожают, где хранить. Словом, родная республика, образно выражаясь, поддала Мавлиде коленом.

В 1999 году вместе с сыном она приехала по приглашению еще одной подруги юности в Магнитогорск – тут было хоть где жить:

Татьяна предоставила ей свой домишко в Димитровском поселке. Тот самый, который сгорел. И в котором она и сын-школьник, по сути бомжи, зарегистрированы.

Мавлида в Магнитке работу по специальности не нашла, швейная фабрика уже почил в бозе. Вот и работает она на самых рядовых должностях, последние годы – рабочей по озеленению. И безо всяких уже надежд на собственное жилье.

Но в октябре она случайно услышала по телевидению выступление ответственного работника Генпрокуратуры на «сиротскую» тему. Прозвучало достижение еще из давнего письма Фариды, что обязанность государства в отношении сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в части предоставления им жилья не ограничивается 23-летним возрастом. Позвонила в Москву по указанному на экране телефону, ей подтвердили эту информацию, добавили, что обязанность предоставить жилье лежит на органах местного самоуправления по месту ее настоящего постоянного проживания, проконсультировали, какие нужны справки, посоветовали обо всем обстоятельно написать в Генпрокуратуру. Мавлида так и сделала. Уже ездила в Уфу за справками – на этот раз удачнее. Написала в Генпрокуратуру и исполняющему полномочию главы города Евгению Тефтелеву. Правда, уже не надеется, что жилищную проблему, «возраст» которой уже три десятка лет, удастся решить «мирным путем». И готовится к отстаиванию своих законных прав в судебных инстанциях ☹

КОРИЙ БАЛАБАНОВ
ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ

> По закону время предоставления жилья сиротам не ограничивается их возрастом